

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА: — **Вот досада, дождь кончается! Такая веская объективная причина пропадает!**

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 14 20 МАЯ (1448) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Юрий КЛАРОВ

По форме...

Секретарь парторганизации завода Пётр Степанович Измайлов во время получасовой беседы с Сёминым услышал много неприятного. Тут были и недооценка агитационной работы, и невнимание к лекционной пропаганде, и низкая посещаемость лекций на заводе, и... Впрочем, всех «и» не перечтёшь. Что и говорить, заведующий отделом пропаганды и агитации райкома умел портить настроение. Поэтому Измайлов облегчённо вздохнул, когда Сёмин наконец сказал:

— Ну, на сегодня, кажется, хватит. Поговорим о более приятных вещах. Что вечером в заводском клубе? Лекция?

— Лекция,— подтвердил Измайлов.— «Борьба с пережитками капитализма в сознании людей». Ваш лектор читает, Нурин.

— И как читает? — поинтересовался Сёмин.

Пётр Степанович проникновенно спросил:

— Плевако слышал?

— Нет, он у нас на конференциях не выступал,— улыбнулся Сёмин.

— А Цицерона?

— Тоже не пришлось. Рановато умер. Кажется, до моего рождения.

— Так вот, послушай Нурина и можешь смело садиться писать брошюру об ораторских приёмах Цицерона и Плевако, вместе взятых. Я как-то был на его лекции, неделю потом под впечатлением ходил. Сирена! Трибун! Грех не послушать!

— Грех, говоришь? — усмехнулся Сёмин.— Ну что ж, не хочется лишнего греха на душу брать. Давай сходим послушаем.

Когда Измайлов и Сёмин пришли в клуб, там уже было человек шестьдесят — семьдесят. Чтобы не смущать лектора, они сели подальше. Лектор, высокий, тощий, с большой, во всю голову лысиной, быстро взошёл на кафедру, разложил листки и, окинув зал скорбным взглядом, заговорил глухим тенорком:

— В тот самый исключительный момент, когда наши граждане в период резкого, я бы сказал, крутого дальнейшего и сильнейшего подъёма всех без малейшего исключения отраслей промышленности,— Нурин вздохнул и вобрал в себя воздух,— станкостроительной, лесной, текстильной, металлургической, судостроительной, лёгкой, тяжёлой, транспортного и нетранспортного машиностроения, авиационной, пищевой, рыбной, лесной... виноват, лесной я уже говорил... химической, деревообрабатывающей и прочих отраслей, которых я перечислять не буду, чтобы не утомить, в некотором роде, вашего внимания...

Измайлов искоса посмотрел на Сёмина и восторженно сказал:

— Какое знание отраслей промышленности, а? Большая Советская Энциклопедия, а не лектор! Просто заслушаешься: все три часа, как одна минута, пролетят!

— Сколько?! — вздрогнул Сёмин.

— Говорят, часа три,— уже неуверенно повторил Пётр Степанович.

— То есть как говорят? Ты сам разве не знаешь?

— Знаю, но...

Измайлов сделал рукой неопределённый жест.

Сёмин заёрзал на стуле, но промолчал. Лектор действительно не спешил. Он детально охарактеризовал значение электрификации в развитии сельского хозяйства, промышленности и системы коммунально-бытового обслуживания, затем коснулся особенностей современного международного положения и всё так же не спеша начал читать о пережитках капитализма. Коснувшись хулиганства, он высказал несколько оригинальных мыслей относительно того, что хотя водку пили с незапамятных времён, пьют сейчас и отдельные несознательные элементы, бесспорно, будут пить её и в дальнейшем, тем не менее ни к чему хорошему она привести не может. Затем он ополчился против ревности, недобросовестного отношения к труду и т. д. Держался Нурин стоически.

Чувствовалось, что человек он добросовестный и не намерен пропустить ни одного написанного слова. Но его похвального усердия никто не мог оценить: лекцию не слушали. Даже Измайлов, который ещё пятнадцать минут назад восторженно комментировал каждую фразу лектора, и тот приуныл. С отсутствующим видом он смотрел куда-то вдаль и время от времени слабо вздыхал. Ему почему-то вспомнилось, что дома его ждёт ужин, а жена читает книгу и с нетерпением поглядывает на часы...

— Пётр Степанович! А, Пётр Степанович! — потряс его за плечо Сёмин.— Проснись, дорогой! Просто грех не послушать такого замечательного лектора! Плевако! Цицерон!

Измайлов с трудом разлепил глаза, опять их зажмурил и смущённо объяснил:

— У меня с детства привычка такая: все музыкальные произведения с закрытыми глазами слушаю, усваивается как-то лучше...

— Так это же лекция! — усмехнулся Сёмин.

— Лекция, лекция! Какая же это лекция? Песня колыбельная! — сладко потянулся окончательно проснувшийся Измайлов.

— Вот те и на! — шутливо развёл руками Сёмин.— То «сирена», «трибун»! А то исполнитель песен колыбельных! Не пойму что-то тебя!

— Не придирайся, Александр Васильевич,— уныло сказал Измайлов.— Пойдём лучше хоть выспимся по-настоящему, а то на этих стульях разве уснёшь по-человечески!

Из клуба Измайлов и Сёмин шли молча. Первым заговорил Сёмин:

— Так решил старого воробья на мякине провести? А? Свожу-ка я его, дескать, самого нудного райкомовского лектора послушать, вот тогда-то он и поймёт, почему посещаемость низкая и кто виноват в этом! Кажется, так? Угадал?

— Кажется, угадал,— кивнул головой немного приободрившийся Измайлов.

— Ишь какой хитрый! Что придумал-то! — притворно восхитился Сёмин и, переменив тон, продолжал: — Мы и сами этого Нурина давно собираемся из лекторов отчислить, да многим его лекции больно нравятся!

— Хм...— недоверчиво хмыкнул Пётр Степанович.

— Вот тебе и «хм»! Вполне серьёзно говорю.

— Ну, хвалить такого лектора могут только люди, которые его ни разу не слышали,— пожал плечами Измайлов.

— Вот и я так думал...

— А что думать? Сводил бы одного из них на лекцию и проверил.

— Вот, вот,— обрадовался Сёмин,— я так и сделал: сегодня как раз и сводил одного. Но никак не разберусь: то ли он не слушал раньше лекций Нурина, то ли...

— Позволь! — оторопел Измайлов.— Кого ты имеешь в виду?

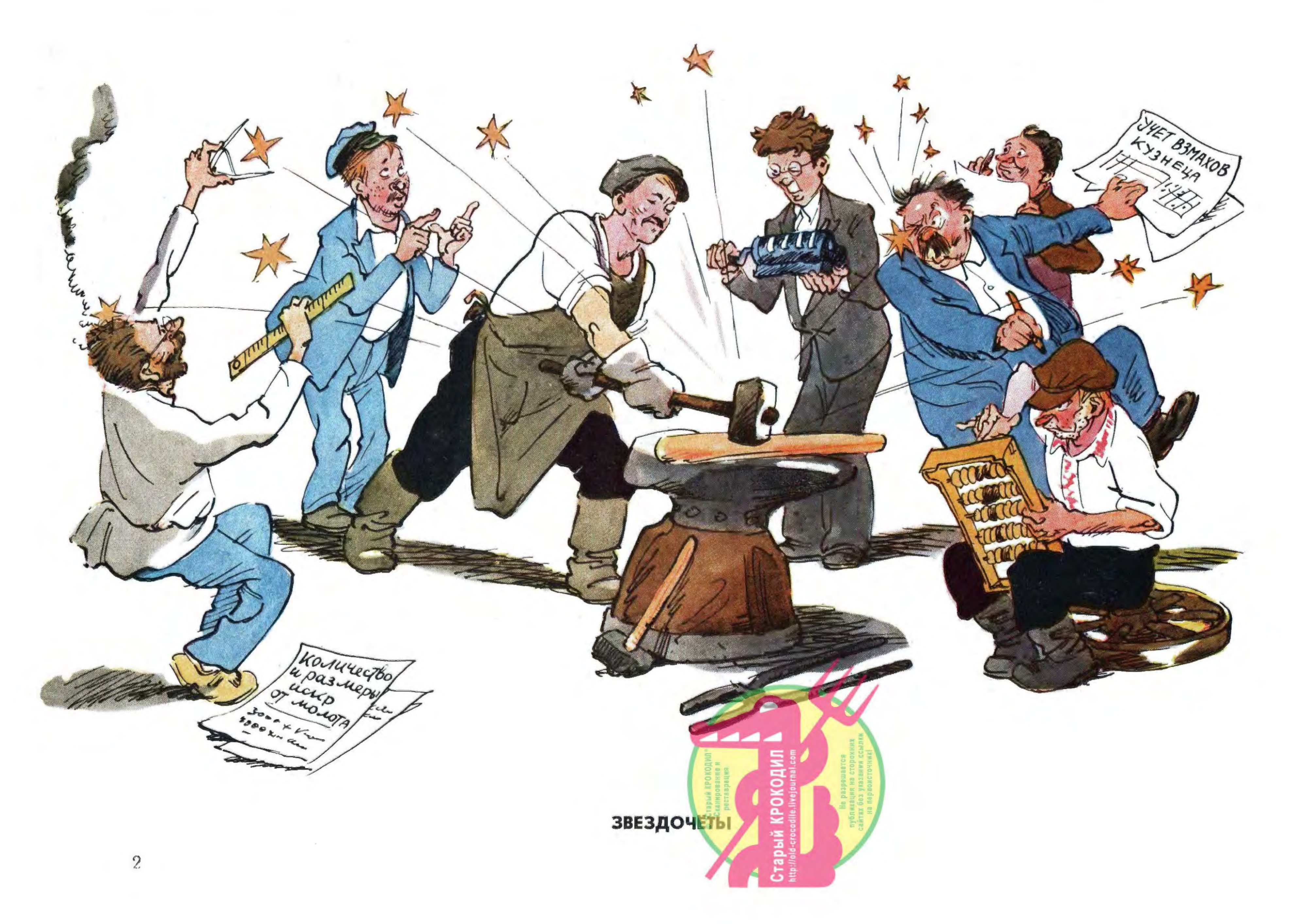
— Есть такой секретарь парторганизации завода Измайлов. Не знаешь случайно? Так этот Измайлов просто в восхищении от Нурина. Не только на словах, но и на бумаге... Не веришь? — И Сёмин торжественно развернул перед своим застывшим от неожиданности собеседником две лекторские путёвки, на обороте которых чётким почерком Измайлова было написано: «Лекция прочитана хорошо. Слушатели довольны».

— Но это же форма! — возмутился Измайлов.— Все так пишут!

Сёмин остановился, закурил папиросу и посмотрел смеющимися глазами на Измайлова:

— Так-то, дорогой! Вот, пожалуй, и всё, что я хотел тебе сказать. Ну, будь здоров, блюститель формы! Мне направо. А путёвочки на память о нашем разговоре возьми...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

ЗВЕЗДОЧЁТЫ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Что бы там ни говорили, у меня за спиной огромный опыт...

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Согласны ли вы поехать на периферию!

ХОР РОДСТВЕННИКОВ: — Н-е-е-е-т!!!

КРОКОДИЛ в Донбассе

В порядке справки

Сокращённый субботний рабочий день близился к концу. Кое-кто уже начал прикидывать: как провести предвыходной вечер? Вдруг раздался телефонный звонок. Из министерства сигнализировали:

— Антон Саввич едет в Киев.

— Желаем ему счастливого пути, — ответил оказавшийся у телефона сотрудник Главартёмугля. — Может, нам следует прибыть для проводов товарища Кузьмича на вокзал?

Но министерский товарищ шутить не собирался.

— С вами говорят серьёзно! — отрезал он. — Министр собирается в Киев. Мы готовим министру доклад. Вам всем быть на своих местах! Может неожиданно потребоваться какая-нибудь справка. Не расходиться! Никому! Впредь до особого распоряжения!..

Что греха таить, работники Главартёмугля основательно поворчали, помянули начальство не совсем добрым словом. Точно так же обстояло дело в Главворошиловградугле и в Главдонбассантраците. Но распоряжение свыше есть распоряжение свыше — попробуй не выполнить! В Горловке, в Кадиевке, в Красном Луче сокращённый предвыходной стал удлинённым...

Вам никогда не доводилось быть привязанным в неурочный час к канцелярскому столу телефонным проводом? Нет? Ваше счастье. Помимо всего прочего, это очень скучно. Ну, поворчали, позлословили — дальше что? Заняться кроссвордом? Свежего «Огонька» нету. Подсчитать, сколько за минувший месяц получено и отправлено бумаг? Наверняка со счёта собьёшься. А что, если устроить громкую читку?

Идея всем понравилась. Но тут же возник вопрос: что читать? Всем хотелось развеять скуку, пошутить, посмеяться, а единственная книга, которая оказалась под руками, к этому не очень располагала. Её полтысячи страниц были густо усеяны навевающими тоску словами: «НЕДОдано», «НЕДОгружено», «НЕДОпоставлено»... Авторы непрерывно что-нибудь «отмечали» и «особо отмечали», «устанавливали» и «считали совершенно недопустимым». А название книги обозначено было на солидном кожаном переплёте золотом по коричневому фону так:

«Министерство угольной промышленности УССР, Протоколы коллегии за 1955 год с № 1 по № 74.»

Повертели, полистали это лучшее творение министерской типографии и отложили в сторону. Опять заняться нечем! Но тут кто-то, к общему удовольствию, предложил:

— Могу дать сеанс мнемотехники. Берусь воспроизвести цитату из любого протокола. И за прошлый год и за нынешний!

— **Что за техника!**
— **Та, что по сводке ещё в прошлом году внедрена!**

Все сразу оживились, окружили «ясновидца» тесным кольцом. Облечённый всеобщим доверием пожилой плановик вооружился для проверки полным комплектом протоколов и начал:

— Вот протокол заседания коллегии от 4 октября прошлого года. На повестке — вопрос об итогах работы за 9 месяцев. Коллегия отмечает... Что именно? Отгадывайте, как обещали!

— Пожалуйста! «Коллегия отмечает, что в результате крайне неудовлетворительной работы ряда трестов план добычи угля по Донбассу за 9 месяцев 1955 года выполнен всего на столько-то процентов».

— Хорошо. То есть, конечно, плохо! Но я хочу сказать, что цитата воспроизведена точно. А вот у меня в руках протокол от 24 января нынешнего года. Обсуждается вопрос об итогах работы за 23 дня января. Что отмечает коллегия? Знаете?

— Разумеется! «Коллегия отмечает, что в результате крайне неудовлетворительной работы многих трестов план добычи угля по Донбассу за 23 дня января выполнен лишь на столько-то процентов».

— Правильно. Пойдем дальше. Протокол от 27 апреля прошлого года. Коллегия предупреждает руководителей трестов и шахт... О чём?

— Об их личной ответственности за выполнение заданий.

— Верно. Переходим к протоколу от 16 февраля нынешнего года. Коллегия вновь предупреждает тех же руководителей. А о чём?

— О том же самом.

Восхищённый плановик обратился к протоколу от 17 мая 1955 года.

— Что постановлено принять к сведению?

— Постановлено «принять к сведению заявления управляющих трестами о том, что с их стороны приняты все меры, обеспечивающие безусловное выполнение плана добычи угля в мае».

— Точно! А что принято к сведению 7 марта 1956 года?

— Всё то же. Только вместо одного месяца проставлен другой.

— Это просто удивительно! — восторгался плановик. — А вы не устали? Ещё что-нибудь можете отгадать?

— Сколько угодно! Мне это ничего не стоит. У меня такой талант, — важничал и фофсил отгадчик.

Но форсил он недолго. Сначала робко, потом всё более уверенно испробовали свои силы на ясновидческом поприще остальные участники предвыходного бдения. И никто ни разу не ошибся. И оказалось, что тут нет ничего хитрого. Ведь из месяца в месяц, из квартала в квартал протоколы заседаний коллегии Министерства угольной промышленности УССР повествуют всё об одном и том же. Коллегия регулярно отмечает невыполнение плана, признаёт это совершенно недопустимым, утверждает сроки покрытия задолженности, предупреждает о личной ответственности и принимает к сведению, что все необходимые меры приняты. Потом устанавливает, что дела идут хуже прежнего, и начинает всё сначала: отмечает, признаёт, предупреждает и принимает к сведению.

...А чем же, спросите вы, отмечен был этот субботний вечер, кроме сеанса безошибочного отгадывания протокольных текстов? Для чего всё-таки превратили сокращённый рабочий день в удлинённый?

Честное слово, не знаем. Около десяти часов вечера (вместо четырёх часов дня) последовало разрешение уходить по домам. Никакие справки не были затребованы. И товарищи разошлись, думая, что всё ещё обошлось сравнительно благополучно. Всякое, знаете ли, бывает. Мало ли какие могли бы понадобиться сведения!

С месяц назад Министерству угольной промышленности УССР понадобились сведения о том, как выполнены были некоторые приказы двухлетней, трёхлетней и четырёхлетней давности. Последовало распоряжение «представить подробный отчёт в цифрах с объяснениями по всем порученным пунктам». И, например, управляющий трестом «Орджоникидзеуголь» тов. Кессарийский тут же наложил резолюцию: «Подготовить ответ». А начальник технического отдела треста тов. Передерисвитка уточнил:

«Тт. Пенькову, Позднякову, Нечитайло.

Немедленно займитесь составлением справки. Включите в эту работу всех сотрудников».

И все сотрудники включились, и контора пошла писать. Где уж тут руководить угледобычей!..

...Если министр Антон Саввич Кузьмич позволит, мы со своей стороны тоже хотели бы дать справку. Совсем небольшую. Вот она: за четыре месяца текущего года предприятия Министерства угольной промышленности УССР недодали около миллиона тонн угля.

О чём и докладываем.

С. ШЕВЕЛЁВ,
В. ЧЕРКАС

АВРАЛ

Трезвонит телефонный аппарат,
Бежит куда-то слесарей бригада...
Пожар, быть может!
Где-нибудь горит!
Нет, началась последняя декада.

Материалы «Крокодила в Донбассе» подготовлены совместно с редакцией газеты «Радянська Донеччина». Рисунки на этой странице — из сатирического отдела газеты «Социалистический Донбасс» — «На терриконе»!

Поэзия и проза

И ТАК БЫВАЕТ

Рисунок Ф. БЕЛЕНА (г. Сталино).

Руки на полном ходу...

...а техника стоит.

Знаменитые шахтные терриконы, что, подобно древним египетским пирамидам, подпирают островерхими шапками небо Донбасса, воспеты многими прозаиками и поэтами. В изданном недавно сборнике стихов донецкий лирик В. Труханов спрашивает воображаемую собеседницу:

...Ты была в Жигулях?
Я видал Жигулёвские горы.
Как похоже на них
Терриконы в Донбассе цветут!

Далее поэт настаивает, чтобы на терриконах

...Поставить скамейки влюблённым,—
Пусть встречают зарю
И мечтают о светлом пути.

Это, с позволения сказать, рационализаторское предложение пока не принято. Влюблённые шахтёры почему-то предпочитают встречаться со своими подругами в парках и скверах. Зато усиленный интерес к терриконам проявляют некоторые граждане совсем не романтического склада.

...К террикону шахты имени Абакумова в Кировском районе города Сталино пробиты широкие большаки из Запорожской и Днепропетровской областей. Пришлые и приезжие любители лёгкой наживы частенько встречают тут зарю. Чуть ясное солнышко осветит террикон так, что можно различить, где уголь, а где порода, бойкие завсегдатаи принимаются за работу, и вскоре у подножия террикона вырастают штабели «чёрного золота». И тут же открывается торговлишка.

— Не скупись! — уговаривает штабелевладелец покупателя.— Уголёк на славу! Коксующийся! Хошь, за четыреста целковых нагружу машину?

Горняки возмущаются. До каких пор, спрашивают они, изрядная доля добываемого ими угля будет выбрасываться вместе с породой на террикон? Долго ли будут греть на этом руки разбитные дельцы? Невозмутим только начальник шахты тов. Кравцов.

— Вот на соседней шахте,— подсказывают ему шахтёры,— организовали выборку угля из породы. Это сберегает ежедневно более двух тысяч рублей. За месяц, значит, свыше шестидесяти тысяч, а в год... Подсчитайте!

— Уже подсчитано! — с полной готовностью откликается тов. Кравцов.— И у нас так будет!

Но проходит месяц, второй, третий, пятый — и всё остаётся попрежнему и на этой и на многих других донецких шахтах. Среди породы, ежедневно выбрасываемой на террикон шахты «Центрально-Заводская» треста «Куйбышевуголь», около десяти процентов угля. Это без малого 15 эшелонов угля за год! А загляните на шахты № 8 «Ветка» и № 7—8 имени Калинина того же треста, на енакиевскую шахту «Юнком», на предприятия трестов «Дзержинскуголь», «Октябрьуголь», «Снежнянантрацит». Оказывается, вот они какие, златые-то горы!

...Так вот, вернёмся к предложению поэта тов. Труханова. Воздвигать или не воздвигать на терриконах скамейки для влюблённых? Может быть, лучше поставить у подножий всех этих гор породоотборочные ленты, сортировочные транспортёры и кое-какие другие нехитрые устройства?

Правда, картина будет несколько прозаичнее, чем рисуемая поэтом. Но влюблённые, ей-ей, не заявят претензий...

В. СЕРОБАБА,
М. СОРКИН

По уплотнённой программе

Уж чему-чему, а гостеприимству макеевцев учить не приходится. Умеют и встретить, и честь оказать, и попотчевать. Чуть проведали, что к ним собираются для подведения итогов соревнования горловские шахтёры, сразу приняли меры, чтобы в грязь лицом не ударить. А задача эта представлялась особенно серьёзной потому, что год назад макеевские горняки ездили в Горловку и приняты были там с отменным радушием.

При подготовке к приёму дорогих гостей не остались, разумеется, в стороне ни партийные, ни хозяйственные руководители Макеевки. Они поделились своими принципиальными соображениями, дали ряд ценных практических советов. Но детальная разработка программы встречи с горловчанами была, естественно, возложена на Макеевский райком профсоюза угольщиков и его председателя тов. Заглобу. И они действительно постарались: скучать гостям было некогда.

Правда, разработанная во всех деталях и неукоснительно осуществлённая программа не блистала особой оригинальностью. Зато и председатель Горловского райкома профсоюза угольщиков тов. Тимашинин и другие руководители делегации должны по чистой совести признать: им не отказали ни в чём из того, что сами они предоставили год назад макеевцам. Встреча с местным руководством состоялась? Состоялась. На торжественное собрание пригласили? А как же! В президиум собрания выдвинули? Под дружные аплодисменты!

Что же касается итогового банкета в макеевском ресторане «Металлург», он, по меньшей мере, не уступал прошлогоднему торжественному пиршеству в столовой горловской шахты «Кочегарка». Ни по обилию яств. Ни по ассортименту напитков. Ни по песенному и плясовому репертуару. Ни по лихим, хоть и не совсем стройным возгласам: «Посмотрим, кто кого!», «Где вам с нами тягаться!», «Наша возьмёт!», «Как же это ваша возьмёт, если вы и пляшете куда хуже нашего!»

Остаётся только добавить, что недавняя встреча в Макеевке, как и прошлогодняя в Горловке, записана в актив соответствующих райкомов угольщиков. Эти церемониально-увеселительные поездки значатся в разделе массовых мероприятий, в графе о соревновании, как взаимопроверка и обмен опытом. Верно, в уплотнённой до предела программе ни для настоящей взаимопроверки, ни для подлинного обмена опытом времени не нашлось. Ну, авось, как-нибудь в другой раз найдётся. И кто знает, может быть, это совпадёт с той порой, когда пять угольных трестов Макеевки и Горловки начнут, наконец, выполнять план...

К. НИКОЛАЕВ,
П. САВЕЛЬЕВ

В. КУКАНОВ

Эдик

Рисунки Е. ЩЕГЛОВА.

Они сидели друг против друга треугольником: хозяин Павел Матвеевич Зарубин, его супруга Зинаида Осиповна и гость Николай Иванович Бородулин.

Хозяйка ослепляла гостя золотозубой улыбкой, а Павел Матвеевич увесисто хлопал его ладонью по колену и ликовал:

— Колька, асмодей несчастный, какой ты молодец, что заглянул! Сколько лет, сколько зим! Знаешь, Зинуля, почему я зову его асмодеем? Это у него в институте было самое страшное ругательство: «Ух вы, асмодеи!» Хе-хе-хе! Проездом, значит? Ну, спасибо, что не забыл, спасибо, дорогой. Так сколько мы не видались?

— Лет пятнадцать, пожалуй,— прикидывал Николай Иванович.— После окончания института мы года три вместе поработали в деревне, а потом ты в город подался.

— Годы-то летят! Один за одним, будто из пулемёта... Ты, конечно, останешься у меня ночевать. Нет, нет, и не возражай! Места хватит. Я тебя сегодня не выпущу, на замок запру!..

Глядя на хозяев, Николай Иванович смущённо гладил подбородок и готов был назвать себя неблагодарной свиньёй: он почему-то не верил ни энтузиазму супруга, ни лучезарной улыбке супруги. При всём ликующем виде Павла Матвеевича глаза его оставались холодными и пустыми. Повышенная суетливость как-то не очень вязалась с его солидной внешностью. Это был уже не розовощёкий долговязый студент Пашка Зарубин. Прежний румянец загустел и растёкся у него по всему лицу, не побрезгал носом, спустился на шею. Природа всюду заметно прибавила Павлу Матвеевичу от своих щедрот, лишь волос на голове заметно поубавила. Да и он, Николай Иванович, какой уж теперь «Колька»! Седина в висках.

— Ну как там, в совхозе-то? Шуруешь? — допрашивал Павел Матвеевич.— А мы тут, брат, в бумагах погрязли. Вот так! По самые уши. Хоть бы поскорее провели в министерстве сокращение штатов да поразогнали нас по колхозам.

— У нас там похуже. Таких вот апартаментов не найдёшь,— добродушно предупреждал Николай Иванович, оглядывая комнату, в которой стен из-за мебели, ковров и картин не было видно.— А здорово ты, брат, зажил, шикарно!

— Что мне всё это! — махал рукой Павел Матвеевич.— Главное, чтоб душа была спокойна, совесть чиста. А то сидишь за письменным столом, как на иголках... Хотя понимаешь, конечно, что и тут люди нужны. Я уйду — другой сядет. Так уж скрепя сердце возишься в бумагах, куда денешься...

— А ты, помнится, диссертацию писал. Кончил, что ли?

— Нет, где там! Возни с ней много. Обойдусь и без неё. Что она нынче даёт, диссертация-то?! У меня Зинуля только курсы кройки и шитья кончила, а в ателье зарабатывает што твой доктор философии. Правда, зайчонок?

«Зайчонок», она же Зинуля, слегка заколыхалась от довольного смеха, алмазная брошь на её пышной груди брызнула целым снопом радужных искр...

Особенно почему-то чувствовал себя неловко Николай Иванович, когда в комнату входил сын Зарубиных, семнадцатилетний Эдик. Он куда-то собирался, крутился перед трельяжем. Парень, видно, был доволен жизнью, пританцовывал, покачивал плечами и тянул, на манер Бейбутова, слова из песенки Бродяги:

— Авара я-а-а-а! Авара я-а-а-а!..

Николая Ивановича поражала способность Эдика смотреть прищуренными глазами и никого не видеть, или, вернее, не замечать вокруг. Ему казалось, что Эдик обходит его только потому, что не может через него перешагнуть.

— Не ковыряй, не ковыряй, ради бога! — тряслась Зинаида Осиповна, заметив, что сын принялся за прыщ на лбу.— Натри одеколоном, но не ковыряй. От одного такого прыщика, говорят, кто-то из великих композиторов на тот свет отправился.

— Я не великий композитор,— отвечал ей сын.

По его тону Николай Иванович затруднился бы определить, какое молодой человек отвёл себе место на житейской лестнице: ниже или выше неведомого ему покойного композитора.

Потом Эдик явился к зеркалу с целым букетом галстуков. Он долго прикладывал их по очереди к груди, наконец остановился на одном и повернулся к матери:

— Ма, идёт к этой сорочке?

— Идёт, идёт, милый.

— Культура! Где моя заколка-кинжал?

— Ты сегодня разве опять уходишь, Эдик? — томно спросила мать.

— Да, прошвырнусь в киношку.

— Фу, как ты вульгарно выражаешься! Почему не сказать: «Пойду в кино»?

— Какая разница!

— И зачем тебе идти куда-то? — вмешался отец.— Сегодня по телевизору передают «Чужую родню», посмотрел бы.

— Фью! Всю жизнь мечтал слушать разговоры о тракторах, о навозе? Это не для меня... Авара я-а-а-а! Авара я-а-а-а! Пускай горька моя судьба, но всё ж тоски не знаю я. Авара я-а-а-а!..

— Ну, ну, трактор и навоз — основа сельского хозяйства,— миролюбиво заметил Николай Иванович.

— Да? Меня сельское хозяйство не интересует!

— А-а, вы в душе техник? — догадался Николай Иванович.

— Вот уж нет.

— Так что же вас интересует?

Ответ донёсся уже из другой комнаты, куда Эдик отправился за какой-то новой принадлежностью своего туалета:

— В этом смысле ничего.

Гость был озадачен таким коротким, но определённым ответом.

— Хм! Ну вот вы заканчиваете десятилетку, весной получите аттестат зрелости, есть же у вас какая-нибудь цель в жизни?

— Нет,— невозмутимо ответил будущий обладатель аттестата зрелости.— Зачем она мне? Почему обязательно иметь какую-то цель, к чему-то стремиться? Я хочу жить, просто жить.

Молодой мыслитель так был убеждён в правильности своей философии, что Николай Иванович спасовал перед его уверенностью. Пока он пытался представить себе, как это можно «просто жить», Эдик уже зашаркал где-то в коридоре, а вскоре появился в двери одетым. Зелёная шляпа была надвинута на лоб, воротник макинтоша поднят, руки засунуты в карманы.

— Адью! — Эдик приложил к полям шляпы два пальца и направился к выходу.

— Вот нынче какие герои пошли,— покачал головой Павел Матвеевич, любуясь сыном.— Что ты с них возьмёшь?! Держится-то!

— Да, бойкий парень,— согласился Николай Иванович.— Мой Петька — ровесник ему, а мальчишка мальчишкой перед ним. Глянет на человека и обязательно улыбнётся, будто хорошего друга встретил. На людях старается в уголок забиться.

— Куда же ты думаешь определить его после десятилетки?

— А это уж куда он сам захочет...

— Ну, знаешь, нынче «захотеть» — это ещё не всё. Чтобы в институт попасть, больше родителям приходится хлопотать, чем им самим.

— А он в институт пока вроде бы и не думает. Вот второе лето на комбайне работает помощником. Так, наверное, и пойдёт комбайнером.

— Ах, вот как! Ну что же, у всякого плута свои расчёты,— снисходительно улыбнулся Павел Матвеевич. Он хотел ещё что-то добавить, но в это время в дверь заглянула домработница Зарубиных Феня, женщина лет сорока, подвижная и громогласная. Стоя в трёх шагах от хозяйки, она заговорила с ней, будто через улицу:

— Зинаида Осиповна, а вы деньги-то обратно, что ли, взяли?

— Какие деньги? — вскинула шнурковые брови хозяйка.

— Те, что давеча давали мне на молоко, двадцать пять рублей.

— И не думала.

— Не найду нигде, значит, Эдик подцепил.

— Что ты говоришь глупости! Ты, наверное, потеряла их.

— Где терять-то, в вазочке на столе лежали. А он заходил...

— Да как ты смеешь так говорить?! — задохнулась от возмущения Зинаида Осиповна.— Что он, вор, что ли?!

— Успокойся, кошечка,— вступился Павел Матвеевич.— Ты же знаешь, за Эдиком это не задержится. Положи плохо деньги — обязательно в карман сгребёт.

Если Зинаида Осиповна и напоминала чем-нибудь кошачью породу, то, во всяком случае, наиболее крупных представителей этого семейства: тигрицу или пуму, причём несколько рассерженную.

— И ты тоже! — напустилась она на мужа.— Я ему только вчера деньги давала. Подошёл, как всегда: «Ма, подкинь мне дукатов». Когда же он успел истратить?

— Долго ли, кто умеет,— подмигнул Павел Матвеевич гостю.— Он ещё вчера был недоволен. «Даёте,— говорит,— как первокласснику на бутерброды».

— Бессовестный! У меня столько на хозяйство не уходит, сколько на его прихоти.

— Ну, ладно, ладно, разберёмся потом. Не чужие же он взял деньги,— махнул рукой Павел Матвеевич.— Нечего угощать гостя нашими семейными дрязгами. Гостей угощают другим. Давайте-ка сюда графинчик, закусончик. Включим телевизор. Под рюмашечку и картина будет смотреться приятней.

При упоминании о госте Зинаида Осиповна метнула на Феню ещё один сердитый взгляд и молча потянулась за своей сумочкой, лежавшей на серванте. Она вытянула из сумки за уголок двадцатипятирублёвую бумажку и, поджав губы, протянула её Фене.

— На!.. Да неси с кухни вино и закуску...

Когда Зинаида Осиповна обернулась к гостю, она уже вновь улыбалась. Её золотозубая улыбка на раскрасневшемся от злости лице чем-то напоминала осенний закат: холодное солнце на багровом небе. И как в закатный час, на Николая Ивановича повеяло холодом. Не задержался он в гостях. Как ни угрожал ему хозяин, что смертельно обидится, если он «дезертирует» и не останется ночевать, едва кончился фильм, Николай Иванович начал одеваться.

— Да куда же ты пойдёшь? Гостиницы ведь не брал?

— Надо ещё одного человека проведать. У него и заночую. Кстати там ближе к вокзалу, мне утром на поезд...

Выйдя на улицу, Николай Иванович оглянулся на дом, облегчённо вздохнул и зашагал прочь.

Ночевал он на вокзале.

БРЯНСКИЙ РАБОЧИЙ

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО

Глупые коровы

Поверьте: любой разочаровался бы в коровьем племени, попади он в то положение, в котором оказались Пётр Иванович Сидоренко, начальник областного отдела водного хозяйства, и Михаил Павлович Шахворостов, начальник строительно-монтажной конторы «Мелиоводстрой».

Приехали недавно Пётр Иванович и Михаил Павлович в Слободище, Дятьковского района, полюбоваться делом рук своих и подчинённых — водонапорной башней и насосной. Именно полюбоваться, ибо сооружения достойны этого! Башня — красавица: круглая, стройная, светлая, с ровными кирпичными поясками и очаровательной шляпкой крыши. Здание насосной, напротив, строгое, прямоугольное. А вместе они составляют, несомненно, яркий архитектурный ансамбль.

Пётр Иванович и Михаил Павлович с умилением взирали на этот ансамбль, не в силах высказать охватившие их чувства. И вот в этот лирический момент они вдруг услышали приближающееся многоголосое мычание, какое бывает, когда истомившееся от жажды стадо просит пить...

Это мычание, сами понимаете, сразу произвело на Петра Ивановича и Михаила Павловича неприятное впечатление: оно грубо вторглось в поэтический мир красоты, созерцаемый ими. Но когда Пётр Иванович и Михаил Павлович оторвали глаза от кокетливой башни, им вовсе стало не по себе: со всех сторон на них шли коровы. Чёрные, бурые, красные, пятнистые, с рогами разных форм и разной величины. Шли и мычали, мычали и шли...

И тут Пётр Иванович и Михаил Павлович вспомнили угрозу, брошенную колхозниками ещё в прошлом году: «Дождётесь, коровы вам свои требования предъявят...». И, вспомнив это, они уже по-настоящему струхнули: попробуй, объяснись с коровами!

Коровы плотно обступили двух начальников, прижавшихся к стене башни, и мычат, ревут, хоть уши затыкай. Михаил Павлович терпел, терпел, да и не вытерпел.

— Ну, что вы орёте, неразумные животные?! — закричал он. — «Му» да «му»... А что «му»? Долго, что ли, строим, хотите сказать? Вы ж подумайте своими коровьими мозгами: строение строению рознь. Египетские пирамиды десятки лет строили, понятно? А мы — всего два года! И вообще, чьи бы коровы мычали... В других колхозах за такой срок и половины не сделано. Молчали бы себе, набравши в рот воды!

При этих словах мычание стало ещё оглушительнее. Коровы подались вперёд... В этот критический момент проявил находчивость Пётр Иванович.

— Это шутка, коровы, шутка!..— пришёл он на помощь товарищу.— Просто такая поговорка насчёт воды... Ну, что вы хотите? Мы ведь всю эту красоту уже сдали в эксплуатацию ещё в прошлом году. Остались мелкие недоделки...

Теперь уже Михаилу Павловичу пришлось выручать Петра Ивановича:

— Он тоже пошутил, подождите, не выставляйте рога! Ну, написали вышестоящему начальству, что артезианская скважина, насосная и всё прочее в колхозе вступило в строй. Так это же на бумаге, для отчёта. На самом деле мы ведь знаем, что в вашем новом коровнике автопоилки сухи и что вода возится из реки в бочках... Вы ж, коровушки-бурёнушки, и в наше положение войдите. Это же тяп-ляп не делается, всё требует умения, грамотного технического руководства. То, знаете, сальник насоса куда-то провалился — всю зиму искали. То глубина скважины оказывается недостаточной — опять углубляй. То меняй поршневой насос на пневматический, а пневматический — ещё на какой-нибудь, и всё равно толку нет. Иди разберись, в чём загвоздка! Колхозу что: отдал деньги, выделил людей, представил оборудование — и все хлопоты. А нам вот только и придумывай причины...

Пётр Иванович перебил его:

— Да что ты бисер перед скотом мечешь? Что они понимают?

Мычание и рёв слились в невообразимый шум. Пётр Иванович и Михаил Павлович побледнели. С ужасом смотрели они, как коровы наступали на них, требовательно и грозно мыча.

Бог знает, чем бы всё это кончилось, если бы в эту самую минуту рядом на дороге не затарахтела бочка с водой. Коровы в мгновение ока оставили осаждённых начальников и бросились за ней.

Пётр Иванович и Михаил Павлович пришли в себя. Они ещё раз влюблённо посмотрели на архитектурный ансамбль башни с насосной и со вздохом сказали:

— Нет у них понимания красоты...

И оба заключили:

— Глупые, бестолковые коровы!

С. ШАРОВ

(«Брянский рабочий»).

Рисунок К. РОТОВА.

НЕ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

— Я беру на себя лично коллективное руководство нашей организацией.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ЛЕГОК НА ПОДЪЕМНЫЕ

— А где же ваши вещи, товарищ новосёл?

— Чемодан здесь, плащ тут, а обратный билет в кармане...

Рисунок Ю. ГАНФА

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Его политическая жизнь, быт, искусство

Научный изоочерк по материалам последних раскопок

ПРИТЧА О РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ

Нельзя сказать, чтобы после пятнадцати месяцев безуспешных поисков работы мистер Кеннет Мэрфи имел вполне респектабельный вид. Костюм его, некогда благородного темносинего цвета, покрылся пылью и копотью по меньшей мере дюжины штатов, выцвел и приобрёл неопределённо-скорбный пепельный оттенок. С костюмом вполне гармонировали обшарпанные ботинки и покоробившаяся шляпа.

И, пожалуй, единственным, что связывало в этот момент мистера Мэрфи с процветающей Америкой, был журнал «Атлантик», который он подобрал на скамейке в парке.

«Возможность возвыситься существует, она реальна,— читал он статью Ваневара Буша.— Сын портного может стать уважаемым хирургом. Разносчик бананов может возглавить созданную им самим промышленную империю. Помощник маляра может стать профсоюзным лидером. Галантерейщик может стать президентом. Наша страна — страна равных возможностей».

«Чёрт возьми, а ведь это правда! — подумал мистер Мэрфи, с детства отличавшийся доверчивостью и оптимизмом.— Всё дело в везении. Каждый может найти своё счастье. Каждому может повезти: и бедному и богатому».

Хотя мысль эта и согревала его сердце, он зябко поёжился на сыром весеннем ветерке, а потом отправился побродить по улицам, чтобы согреться и заодно, быть может, найти своё счастье.

Не прошёл он и квартала, как вдруг увидел на тротуаре доллар. Новенькая зелёная бумажка валялась прямо у его ног.

— Каждый в Америке может найти своё счастье! — возликовал мистер Мэрфи и быстро нагнулся, чтобы поднять неожиданный дар судьбы. Но если сердце безработного и выдержало неожиданную радость, то его пиджак выдержать столь резкого движения не смог. С жалобным треском он лопнул по швам...

— Сколько будет стоить починка пиджака? — спросил мистер Мэрфи портного.

— Ровно доллар,— ответил тот.

С тех пор мистер Мэрфи не читает журнал «Атлантик».

Г. ЮРЬЕВ

Новое в науке и технике

В последнее время различные отрасли науки и техники за рубежом обогатились целым рядом новинок, причём некоторые из них представляют не только академический интерес.

Так, например, достигнут известный прогресс в области **автоматики и телемеханики**. Цитируем сообщение вашингтонского радио:

«Бывший китайский посол в Вашингтоне Веллингтон Ку назначен советником при Чан Кай-ши. Ожидается, что Веллингтон Ку будет попрежнему находиться в США».

Как указывают в компетентных вашингтонских кругах, действующая автоматическая модель типа «Веллингтон Ку – Чан Кай-ши» позволит в ближайшем будущем окончательно решить проблему управления марионетками на расстоянии.

Заслуживают внимания также некоторые **географические** новости. Вашингтонский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» решительно пересмотрел устаревшие концепции шарообразности Земли. В статье, посвящённой провалу политики «с позиции силы», журнал высказывает такую гипотезу:

«В данный момент земной шар приобретает форму, которая меньше нравится американцам, чем когда-либо за многие годы».

По всей вероятности, для некоторых дипломатов, пристрастившихся к упомянутой политике «с позиции силы», земной шар действительно становится несколько угловатым!

Наконец, нельзя не отметить и новых веяний в системе **присвоения наукообразных титулов**. Некто Франц Боркенау, например, по свидетельству венской газеты «Ди прессе», носит звание «одного из лучших знатоков Советского Союза». А выступая недавно в Инсбруке, этот знаток только и твердил об «агрессивности» Советского Союза. Таким образом, чтобы заслужить высокий титул учёнейшего знатока СССР, достаточно, оказывается, зарекомендовать себя низким клеветником...

Таков далеко не полный обзор последних научно-технических новинок за рубежом.

Составил Н. ЭЛЕКТРОННИКОВ.

В гостях у „Ойленшпигеля"

Херлуф Бидструп.

Арнольд Мостович.

Гарри Мюллер-Эбинг.

Штефан Сабо.

ПОЛТОРА ЯЗЫКА

Для немцев Ойленшпигель, а для фламандцев Уленшпигель то же, что Насреддин для народов Средней Азии.

Имя его, как писал Шарль де Костер, автор «Легенды об Уленшпигеле», означает: сова и зеркало, мудрость и комедия.

Именем Ойленшпигеля, этого весельчака и острослова из народа, назван в Германской Демократической Республике журнал юмора и сатиры. В апреле этому журналу исполнилось десять лет, в связи с чем в Берлин по приглашению редакции «Ойленшпигеля» со всех концов Европы съехались гости: писатели и художники из Болгарии, Польши, Франции, Италии, Чехословакии, Дании, СССР, Западной Германии и других стран. Это были люди интересные, уважаемые. Но для того, чтобы познакомиться с ними, поговорить, нужно было знать, по крайней мере, десять — двенадцать языков. А среди гостей «Ойленшпигеля» не было ни одного полиглота. На каждого из нас, по среднеарифметическому расчёту, приходилось всего полтора языка. И, тем не менее, мы познакомились, подружились.

В день приезда к моему столику в кафе подошёл голубоглазый француз с улыбкой Жерара Филипа на лице.

— Бонжур, мсье.

— Добрый день.

— Ви Крокодил, Москва? Будьим здравствуйте. Я Юманите, Париж.

— Как, Луи Мительберг?

— Да, Луи.

Я был рад и удивлён этой встречей, так как, по сведениям сотрудников «Ойленшпигеля», Луи Мительберг должен был сегодня утром предстать перед парижским судом за одну из своих карикатур, напечатанных в «Юманите», и вряд ли смог бы приехать в Берлин. А он приехал.

— Может быть, в Париже отложили суд?

Нет, суд состоялся, и именно сегодня утром. И Луи Мительберг прямо с суда отправился за многие сотни километров в гости.

— Я француз,— говорит Луи.— Я могу полететь не за сотни километров, а за тысячи, чтобы пожать руку своим друзьям, распить с ними бутылку вина.

Чтобы успеть к началу юбилейного вечера, Мительберг вынужден был уехать из зала суда на аэродром, не дождавшись приговора.

— Я знаю, на меня будет наложен крупный штраф за оскорбление полиции.

— Вы в самом деле оскорбили её?

— Нет, это не было оскорбление. Это была правда. Но полиция не любит правду, которая печатается в прогрессивных газетах, и хочет штрафами заставить нас молчать.

Художник Мительберг судился уже четыре раза. Кроме того, немало подобных неприятностей ждет его и в недалёком будущем.

— Свобода слова,— говорит Мительберг и добавляет: — О, эта свобода не для «Юманите»!

СТОЛ, СТОЛА, СТОЛУ...

Наша беседа со стороны выглядит, наверно, весьма своеобразно. Мы жестикулируем больше, чем говорим. И не удивительно. Представитель «Юманите» знает всего тридцать русских слов, а представитель «Крокодила» — тридцать французских. Правда, мы оба знаем ещё по триста английских. Но если учесть, что из трёхсот моих слов Мительберг понимал все триста, а из трёхсот его мне были известны только сто двадцать, то не удивительно, что наша беседа, несмотря на энергичную жестикуляцию, довольно часто попадала в тупик. Но мы не смущались, так как наши друзья в трудную минуту всегда приходили на помощь. Гость из Западной Германии Гарри Мюллер-Эбинг, знавший немного по-французски, переводил слова Мительберга датскому художнику Бидструпу, тот пересказывал услышанное итальянцу Вердини. Итальянец подключал в разговор чеха Вацлава Елинека. Тот шептал что-то болгарину Цветану Карандашу, который знал около полусотни слов по-русски. Но этой полсотни было, к сожалению, мало, чтобы замкнуть цепь и сделать разговор за столом всеобщим.

— Господи,— сказал редактор «Ойленшпигеля» Шмидт,— так ведь мой заместитель Культцшер прекрасно знает русский! Он был по этому предмету и в школе и в университете отличником. А ну, Карл, покажи, за что тебе преподаватели ставили пятёрки.

Карл Культцшер нехотя подсел к нашему столу и, тяжело вздохнув, сказал:

— Стол, стола, столу, стол, столом, о столе.

— Это всё?

— Нет, вот ещё. Я хожу, ты ходишь, он, она, оно ходит.

Школьные преподаватели в течение всех лет учёбы пичкали, оказывается, Карла Культцшера только грамматическими правилами. В результате Карл прекрасно склонял, спрягал, но не мог связать в фразу два простых русских слова. Вместо того, чтобы сказать «откройте дверь», он говорил: «Я открываю, ты открываешь, он, она, оно открывает».

— В ваших школах учат иностранным языкам так же, как и в наших,— сказал Культцшеру Штефан Сабо, редактор словацкого журнала «Рогач».

— В наших школах то же самое,— подтвердил Вердини.

«А в наших учат иностранным языкам разве лучше? — подумал я.— В прошлом году мой сын окончил десятилетку с отличной отметкой по иностранному языку. А знает он этот язык так же плохо, как и его отец, который сидит сейчас со своими товарищами и вместо того, чтобы говорить с ними, склоняет: стол, стола, столу, стол, столом, о столе».

Культцшер решил было пригласить нам в помощь профессиональных переводчиков. Но тут, к счастью, приехал из Варшавы редактор юмористического журнала «Шпильки» Арнольд Мостович. Мостович, кроме польского, прекрасно знает русский, французский, немецкий, и с его помощью вынужденные паузы в наших беседах почти совсем исчезли. За столом звучали теперь все двенадцать языков. Каждый из гостей спокойно говорил на своём собственном, и все его прекрасно понимали. Перевод шёл по цепочке. От уха к уху. От Культцшера через Бидструпа к Мостовичу. Так мы разговаривали в кафе, на улице, в редакции.

КАБИНЕТ ПЕРЕЕХАЛ В СЕЛО

Редакция «Ойленшпигеля» — это жизнерадостный, задорный коллектив художников, писателей, журналистов. Характерная особенность: подавляющее число сотрудников этого журнала комсомольского возраста. Я чувствовал себя в стенах четырёхэтажного здания «Ойленшпигеля» словно в редакции ростовской или ташкентской молодёжной газеты. В поле видимости ни одного тучника и, кажется, ни одной лысины. Всё здесь живёт и действует под эгидой молодости. Молодость — в темпе редакционной жизни, на страницах журнала, в методах работы. Главный редактор Шмидт познакомил гостей в день их приезда с редакторами всех отделов «Ойленшпигеля», кроме сельскохозяйственного.

— А Шпейтель,— сказал он,— в Лерце.

— Уехал в командировку?

— Нет, он живёт там постоянно.

— Лерц — это деревня в Мекленбурге. Ульрих Шпейтель вместе с художником Гейнцем Белингом поехали в эту деревню с крокодильским рейдом (так, между собой, сотрудники «Ойленшпигеля» называют сатирические рейды своего журнала) и остались там.

— Для того, чтобы писать о жизни новой немецкой деревни, нужно знать её,— говорил мне Шпейтель, когда мы встретились с ним через несколько дней.— А что можно узнать во время трёхдневной командировки?

И вот у молодого журналиста родился план, который молодая редакция быстро одобрила. Перенести кабинет редактора сельскохозяйственного отдела из Берлина в Лерц. Сказано — сделано. С тех пор Ульрих Шпейтель и Гейнц Белинг живут и работают в сельскохозяйственном кооперативе в 130 километрах от редакции. Здесь они пишут, рисуют, а раз в неделю, в день заседания редколлегии, приезжают в Берлин с новыми рассказами, фельетонами, карикатурами, темами. Темы привозятся, конечно, не только лерцовские, а обобщённые, интересные для всех читателей журнала. И так работает сельскохозяйственный отдел «Ойленшпигеля» уже около года. К этому опыту не грех присмотреться и нашим редакциям. И молодёжным и взрослым.

ТОСТ ЗА ИНГУ

В редакции «Ойленшпигеля» работает немало художниц, писательниц, журналисток. Работают они с увлечением, самозабвенно.

— Это вы заразили наших женщин энтузиазмом,— сказал мне Михель, работник одного из ведомств внешней торговли.

Жена Михеля Инга работает в «Ойленшпигеле», и Михель не совсем доволен этим.

— Я, конечно, не жалуюсь на Ингу,— говорит он,— я советуюсь. Киндер, кюхе, кирхе — вот что знала немецкая женщина прежде. Я понимаю. Это было слишком. А теперь моя жена не признаёт ничего, кроме своей работы. Редакция для неё — дом родной. Но ведь это тоже слишком. Я думал, когда был женихом, выйдет Инга замуж, образумится. Но она не образумилась. Родится ребёнок, решил тогда я, и она бросит свою редакцию. У нас уже два ребёнка, а она не бросает редакцию.

Инга познакомила меня со своим супругом, как видно, не без умысла.

— В фельетонах «Крокодила»,— сказала она,— таких мужей называют феодалами. Так знайте, у нас тоже есть феодалы.

— Инга,— укоризненно замахал руками Михель и печально посмотрел на меня: — Неужели у вас тоже есть такие сумасшедшие жёны?

— Да, конечно.

— А сумасшедшие мужья с такими ужасными пережитками, как у Михеля, у вас, конечно, вымерли? — спрашивает Инга и с надеждой смотрит на меня.

Чтобы поддержать Ингу, мне нужно сказать «да, конечно», но я тяну с ответом и начинаю говорить уже без металла в голосе: «Да бывает...», «отдельные случаи...», «иногда...». Михель вежливо слушает меня и задаёт вопрос:

— А ваша жена работает?

— Работает.

— И она тоже после занятий ходит на всякие кружки, курсы?

— Конечно.

— И вам самому приходится разогревать себе обед? Мыть чайную посуду?

— Да, иногда.

— И вам это нравится?

— Не совсем. Но что же делать! — откровенно говорю я, и мы вместе с Михелем поднимаем рюмки за Ингу — женщину ГДР, которая хочет быть не только подругой, но и соратником мужа в борьбе за новую Германию.

КЛЕВЕТНИКИ И ПРОВОКАТОРЫ

Десять дней, что мы пробыли в Берлине, сблизили, сдружили нас всех — и гостей и работников «Ойленшпигеля». Мы спорили, говорили не только на профессиональные темы. Было приятно, что хозяева, как и принято у настоящих друзей, не стеснялись говорить с гостями и о своих житейских делах.

Но наша дружба пришлась кому-то не по душе. Не успел представитель «Крокодила» приехать в Берлин, в гости к «Ойленшпигелю», как почта доставила ему в гостиницу ещё одно приглашение. Представителя московского журнала хотел видеть у себя редактор немецкого журнала «Тарантул». Мы-де коллеги, и нам очень хочется завязать с вами дружеские контакты и обменяться опытом.

Вместе с письмом представителю «Крокодила» были доставлены для ознакомления и последние номера «Тарантула». Это грязненький, гнусненький журнальчик, специальностью которого является клевета на страны демократии и социализма. Каждая страница «Тарантула» свидетельствовала о том, что нас приглашает к себе не друг, а враг. Но раз враг заговорил о контактах, мы решили пойти и сказать прямо, без обиняков всё, что думаем о его возмутительной стряпне.

— Вы хотите пойти, но куда? — спросили работники «Ойленшпигеля».

— Как куда? На конверте указан обратный адрес: Берлин 0, Банхофштрассе, 19, Эрих Залеман.

— По этому адресу вы никого не найдёте.

— Не может быть,— решили мы и все вместе отправились искать Залемана. Русские, чехи, болгары, немцы. Ходим, ищем, где здесь Банхофштрассе. Но такой улицы в восточной части Берлина, оказывается, нет. Есть Нейе Банхофштрассе. Идём по этой улице. Находим дом 18, за ним видим дом 20, а там, где должен быть дом 19,— голое место.

Эрих Залеман, как видно, по рассеянности описался. Вместо одного дома указал номер другого. Идём к управляющему домами. Тот перелистывает свои книги и говорит:

— В этом квартале Залеман не проживает.

— Где же тогда искать его?

— Не знаю.

Под титулом журнала значится место издания «Тарантула»: Лейпциг. Будучи через несколько дней в этом городе, мы со Штефаном Сабо и Цветаном Карандашом продолжили свои поиски. Мы ходили по улицам города и никак не могли напасть на след редакции.

— Это и не удивительно,— сказали нам сотрудники «Ойленшпигеля».— Вы ищете то, чего нет. «Тарантул» издаётся не в Лейпциге, а в Западном Берлине.

— Зачем же редакция вводит людей в заблуждение?

— А разве вам не известно? Так поступают все клеветники и провокаторы.

Возвратившись из Лейпцига, упрямые сатирики не поленились и отправились в западную часть Берлина. Надо же было, чёрт побери, отыскать редакцию, которая жаждала установить дружеские контакты с нами! И что же? Произошёл из ряда вон выходящий случай. Даже самые старшие из участников поисковой экспедиции, уже много лет работающие в печати, ещё ни разу не видели редакции, которая бы так упорно скрывала своё месторасположение. Три продавца газет на Курфюрстендам, этом западноберлинском Бродвее, к которым обратились сатирики, не могли указать адрес «Тарантула».

— Этот журнал не продаётся.

— Как же он тогда доходит до читателей?

— Раздаётся бесплатно.

— Бесплатно? Кто же его субсидирует?

— О... об этом нужно спрашивать наших дипломатов. Мы же только продавцы газет и с заморскими державами дел не имеем.

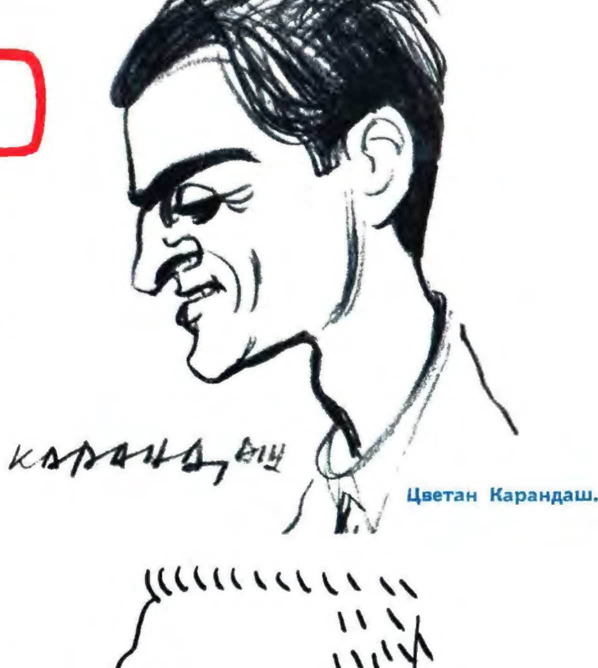
Дружеские контакты! Дельцы из западногерманской печати порой не прочь поговорить о них. В действительности же они не хотят, боятся контактов с прогрессивными газетами и журналами. Мы убедились в этом ещё раз, узнав о печальной истории художника Мюллера-Эбинга, который приехал на юбилей «Ойленшпигеля» из Мюнхена.

Мюллер-Эбинг работал в новом «Симплициссимусе» почти с самого возобновления его издания. Редактор «Симплициссимуса» — этого западногерманского журнала сатиры и юмора — тоже любит говорить о дружеских контактах между немцами — западными и восточными. Мюллер-Эбинг поверил в искренность таких разговоров и послал в «Ойленшпигель» рисунок весьма безобидного юмористического характера. Этого было достаточно, чтобы художник оказался в чёрных списках неблагонадёжных людей. Мюллера-Эбинга сразу же выставили из «Симплициссимуса», перестали печатать в других изданиях, и ему пришлось срочно приобретать вторую профессию, чтобы не умереть с голоду.

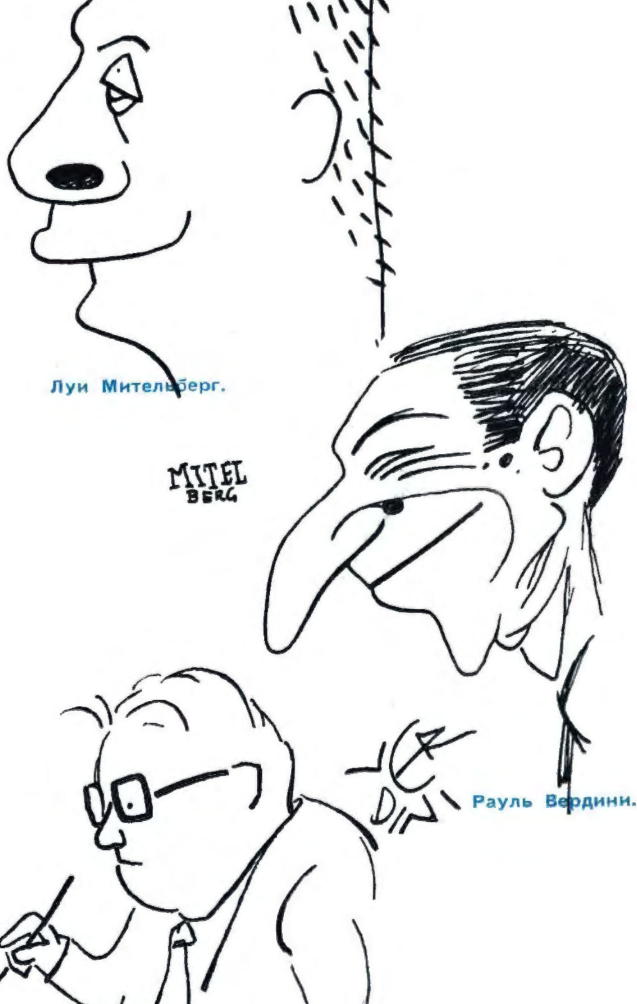
Вот как понимают дружеские контакты редакторы «Симплициссимуса».

Сем. НАРИНЬЯНИ

Берлин — Москва.

Цветан Карандаш.

Луи Мительберг.

Рауль Вердини.

Карл Культцшер.

Вацлав Елинек.

Дружеские шаржи выполнены художниками Р. Вердини, Ц. Карандашом, Л. Мительбергом и Л. Хаасом.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

БРИГАДА ПО ОЧИСТКЕ СЕМЯН

ФОТОВИТРИНА

Поговорим о старине...

Нижегородский Кремль, замечательный памятник древнерусского зодчества,— одна из достопримечательностей города Горького. Но некоторые полагают, что его облик слишком уж строг и монументален. И они этот самый облик стали кое-где подправлять и вносить свои художественные коррективы...

Вот перед нами часть кремлёвской стены и реставрированная древняя башня (см. фото № 1).

Сразу бросается в глаза, что вокруг этих объектов проведена серьёзная, продуманная работа. В результате получился уютный архитектурный ансамбль, в котором шатровая башня гармонично сочетается с сооружениями малых барачных форм, а крепостная стена — с подобием собачьей будки.

А здесь мы видим (см. фото № 2) одно из наиболее старинных зданий Кремля — собор святого Михаила. Как эффектно выглядит он на фоне живописной мусорной свалки и рядом со своим молодым, но до изумления облезлым трёхэтажным соседом!

Впрочем, ещё более яркое оформление получил так называемый Мининский садик, бывший когда-то излюбленным местом отдыха в старом Нижнем-Новгороде (см. фото № 3).

На сегодняшний день Мининский садик пышно озеленён стогом прошлогоднего сена. За этим зеленоватым насаждением и прочим «оформлением» виднеется обелиск, водружённый в память Минина и Пожарского.

Четвёртый фотоснимок не помещаем: он вышел очень бледным. Просто не разберёшь, где там руководители городского отдела благоустройства, где ревнители охраны памятников старины.

Недавно секретари партийных организаций Лев-Толстовского района, Липецкой области, получили от заведующего отделом пропаганды и агитации РК КПСС тов. Калугина по одинаковому разграфлённому листку. Листок назывался: «Отчёт о массово-политической работе по парторганизации (такой-то) за I квартал 1956 года».

Вся политическая работа чётко раскладывалась на 10 пунктов и 15 подпунктов. Благодаря тов. Калугину думать не надо — садись и заполняй: «Работает агитаторов»—8, «в т. ч. на животновод. фермах» — 5; «прочитано докладов всего» — 6, «в т. ч. для работников животнов.»—3, «в т. ч. в отдаленных бриг.»— 1 и т. д. Темы? Кто читал? Как читал? Неважно! Важны цифры.

В примечании тов. Калугин требует вместе с заполненной формой присылать свои предложения по организации политической работы. Очевидно, предложение может быть одно: «Работникам Лев-Толстовского райкома партии, в т. ч. тов. Калугину, перейти от нехитрых правил бюрократической арифметики к настоящему партийному руководству массово-политической работой».

Юрий БЛАГОВ

Знакомая тема

Шли к загсу люди молодые,
Их счастью не было конца.
К тому же шли они впервые
В «дом, где скрепляются сердца».
Они детально представляли,
Что новобрачных, дескать, ждут
В неповторимо чудном зале
Радушье, праздничность, уют...
Чтоб там была «хозяйка зала»
В свою работу влюблена,
Чтоб молодых благословляла
С сердечной нежностью она.
Чтоб понимала тонкость дела,
Своё призванье в нём нашла,
Чтоб наделять людей умела
Большими дозами тепла...
Чтоб новоявленным супругам
Всё говорило в доме том:
«Живите в радости друг с другом
И будьте счастливы во всём».
Чтоб вместе с тёплыми словами
Звучал мотив, певуч и тих,
И чтоб увитые цветами
Такси у загса ждали их.
Чтоб этот день не забывался,
В душе большой оставив след,
Чудесным праздником остался
И отмечался до ста лет.

Но в загсе энского района
Их ожидал иной приём:
Особо праздничного тона
Отнюдь не чувствовалось в нём.
Там в коридоре, как в пещере,
Царил холодный полумрак,
Там шли в одни и те же двери
Рожденье, Смерть, Развод и Брак.
Им показался зал унылый
Каким-то сумрачным мирком:
Там даже куст бумажных лилий
Был с инвентарным номерком!
Там о поэзии едва ли
Возможно было говорить;
Взамен пейзажей в этом зале
Висела надпись «Не сорить!».
В итоге вид настолько странный
Молодожёны обрели,
Что даже в миг давно желанный
Поцеловаться не смогли.
Они и тем довольны были,
Что в этом доме как-никак
Среди тоски, бумаг и пыли
Зарегистрировали брак.

Зарегистрировали... Боже,
Какая скука в слове том!
Ужель взамен «венчанья» всё же
Мы ярче слова не найдём!
Сводить обряд к чернильным кляксам
Нелепо в наши времена,
Меж канцелярией и загсом
Быть в чём-то разница должна!
Пора бы вникнуть в сущность дела,
Живую жизнь в него внеся...

* * *

Писать о загсах надоело,
Но и молчать о них нельзя!

Крокодильская смесь

Мимоходом

Сколько у нас ещё хозяев по положению, а не хозяев положения!

* * *

Вожатый: — Ребята, что за неорганизованность? Один зевнул, другой зевнул, третий зевнул. Давайте всё делать организованно!

* * *

Толстяк — заведующий столовой — решил бороться с ожирением. Но похудели столующиеся

* * *

Режиссёр, ставивший спектакль, был неисправимым оптимистом.
— Ругают, стало быть, смотрят! — бодро говорил он.

* * *

— И чего это дятел долбит, долбит, долбит одно и то же? По поручению лекционного бюро, что ли?

* * *

— Автора! — кричали в зале.
Автора нигде не было. Его свели на нет соавторы.

* * *

В гортопе радовались: вот и на нас меньше жалуются! Было это уже в июне...

Л. МИТНИЦКИЙ

●

ВЕСНА В СТРОЙТРЕСТЕ

Бодро встретил он Весну:
«Я подвижностью блесну,
Кабинет бросать не жалко!»
...В час служебный взяв блесну,
Он поехал на рыбалку.

«НЕ НАДО ПРОДОЛЖАТЬ...»

К совершенно законченным романам некоторые авторы искусственно дописывают всё новые и новые тома.

Кончен роман.
Тем не менее
Пишут к нему
продолжение.
Там
«продолжение следует»,
Где продолжать
и не следует.

В. ГРАНОВ, М. ПУСТЫНИН

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

Педагоги: — Боже! Леночкина мама бежит: опять кто-то из нас Леночке двойку поставил.

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

— А практические занятия у вас бывают!
— Теоретически да...

ЧИТАТЕЛИ ПОЧИТЫВАЮТ

В нашей отечественной литературе есть немало вдохновенных страниц о малых реках среднерусской полосы. В сочинениях Аксакова фигурирует речка Воря, которою в наши дни любуются посетители подмосковного дома-музея «Абрамцево». Лесные реки Нерль, Кубря, Пра ныне широко известны читателям Пришвина и Паустовского. Но, пожалуй, больше всего написано о Чёрной Калитве, протекающей по территории Воронежской области. Неполное собрание сочинений об этой скромной реке, начатое в 1949 году, уже составило 7 машинописных томов и ещё не закончено.

Основными авторами его являются сотрудники Россошанской санитарно-эпидемиологической станции. С большим возмущением они описывают, как Ольховатский сахарный комбинат спускает в Чёрную Калитву неочищенные сточные воды, как по этой причине дохнет рыба в реке и, главное, какие «удовольствия» получают местные жители в результате того, что водопровод на железнодорожной станции Россошь вынужден питаться чёрнокалитвенской бурдой.

Следует отметить, что помянутые сочинения имеют довольно широкий круг ответственных читателей: среди них — прокурор Воронежской области, работники обкома партии, облисполкома, «Главсахара» и многие другие. Но... ответственные читатели почитывают, безответственные руководители сахарного комбината поплёвывают, а местные жители попрежнему пьют воду, не пригодную для питья.

Кажется, далёкие предки наши, давшие реке имя Чёрная Калитва, обладали необыкновенным даром предвидения...

УВЕСЕЛЕНИЯ НА ПОЧВЕ ДОСТИЖЕНИЙ

В Мурманской области есть город Кировск, а в городе есть горно-химический техникум. Директор техникума тов. Глущенко не только руководитель, но и сочинитель. А сочинил тов. Глущенко труд на четырёх страницах и озаглавил его так: «ПАМЯТКА классным руководителям для составления отчётов».

Труд этот весьма оригинален по своему содержанию. Чтобы не утомлять читателя, обратим его внимание лишь на некоторые пункты выдающегося педагогического произведения:

«Указать, что делается классным руководителем для воспитания у учащихся «торможения» наклонности к дурным проступкам».

«Привести примеры проявления уважения и любви со стороны классного руководителя к своим воспитанникам».

«Наладить группу на защиту более слабых физически учащихся от возможной обиды со стороны сильных».

«Какие проведены увеселительные мероприятия в группе на почве трудовых достижений».

Тов. Глущенко не ограничивает кругозор своих подчинённых сегодняшним днём и обращает свой взор в будущее.

«Дальние перспективы:

Получить диплом с отличием и поступить в институт без трёхлетнего стажа на производстве в счёт пяти процентов».

После ознакомления с этим незаурядным трудом мы пришли к твёрдому выводу, что необходимо «наладить защиту» и слабых и сильных учащихся от «дальнейших перспектив», намеченных недрогнувшей рукой тов. Глущенко.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Какое, на твой взгляд, сходство между танцем вприсядку и производственным планом? Ты, вероятно, удивишься и скажешь: «Ну и вопрос: в огороде бузина, а в Киеве дядька!»

И ты, уважаемый Крокодил, был бы совершенно прав, когда бы речь шла не о производственном плане нашего завода.

Если движения танцующего вприсядку записать в виде кривой, то получится точное изображение плана, который даёт нам Наманганский заготхлопкотрест. План этот по воле управляющего трестом тов. Нугманова и начальника планового отдела тов. Вельмовского пустился в неудержимый пляс. Спустил нам трест план в январе. Только начали его выполнять — глядь, план уменьшился. Не успели оглянуться—уменьшился ещё раз. Прошло несколько дней — план вдруг подпрыгнул. Только выполнили его (и уже, честно говоря, премию собрались получать) — план подпрыгнул ещё выше!

И не задумываются руководители треста над тем, что для пользы дела неплохо бы и попридержать буйный танец производственного плана.

А. БАБАДЖАНОВ,

директор Чустского хлопкозавода.

г. Чуст,
Наманганской области.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА

Вполне согласен, что «танцующий план» — явление редкое. Однако могу заверить, что с планом иногда происходят и не такие казусы. Начальник Укрглавжирмасла тов. Кичигин, к примеру, в последний день первого квартала (31 марта) увеличил план этого квартала на 20 процентов. Не учёл, видимо, по рассеянности, тов. Кичигин, что выполнить такой приказ несколько труднее, чем подписать его...

ВТОРОЕ ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА

Не успел я закончить первое примечание, как получил новый сигнал. На этот раз отличились плановики из Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР. «Вот уже который квартал,— пишет мне работник Иркутского автомобильного хозяйства тов. Липстук,— министерство обещает прислать нам новую партию автомашин. И хотя этих машин у нас до сих пор нет, министерство регулярно присылает на них эксплуатационные планы...»

Долго раздумывал я, как могут иркутяне выполнить план. Но решил только одно: на несуществующих машинах далеко не уедешь.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Из истории известно, что город Помпея был погребён под пеплом.

Около нашего города Слока никаких вулканов нет и пока не предвидится. Однако ему грозит та же печальная участь. И засыпан город будет не пеплом, а сажей, которую в огромном количестве «извергает» ТЭЦ нашего целлюлозно-бумажного комбината.

Такое отнюдь не стихийное явление беспокоит всех жителей города, за исключением самого директора комбината тов. Берзупа. Возможно, он рассчитывает, что художники напишут картину «Последний день Слоки», где директор комбината будет центральным персонажем? Так передай ему, дорогой Крокодил, что виновнику загрязнения города место скорей всего не на величественной картине, а на едкой карикатуре.

А. ШЕЛИГОВА, В. ЖУКОВА и другие.

г. Слока,
Латвийская ССР.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Спешим поделиться с тобой нашими догадками. Мы полагаем, что начальник производственно-технического отдела Главного управления автохозяйства юга тов. Минков, проживая в Москве, обедать ездит, скажем, в Киев, часы чинит в Алма-Ате, а бреется в Свердловске. И такой образ жизни он считает очень экономным.

К такому выводу мы пришли, получив разнарядку на ремонт автомобилей... Челябинского автотреста. Разнарядка подписана тов. Минковым. А от Даугавпилса до Челябинска, надо сказать, около трёх тысяч километров, и стоимость ремонта челябинских машин на нашем заводе удваивается.

Или тов. Минков такой способ «экономии средств» применяет только на работе, но не в личной жизни? Если тебе не трудно, дорогой Крокодил, зайди в Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР и спроси об этом тов. Минкова.

М. ПЕЙЗЕЛЬ,

секретарь парторганизации авторемонтного завода.

г. Даугавпилс,
Латвийская ССР.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА

Свои вопросы тов. Пейзель может адресовать не только к тов. Минкову, но и к начальнику Главного управления автотранспорта западных и южных районов тов. Буянову. Как стало мне известно, тов. Буянов подписывает разнарядки на ремонт московских, псковских и магнитогорских машин в г. Сочи. Может быть, тов. Буянов считает, что машинам необходимы сочинские курорты, а в Москве, Пскове и Магнитогорске им не «поправить своего здоровья»?

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Не походатайствуешь ли ты перед Министерством сельского хозяйства об учреждении у нас штатной должности заместителя директора МТС по заседательской части?

Крайне необходима нам эта должность! Ведь что ни день, кого-нибудь из руководства МТС вызывают в областной центр на совещание. И тратим мы на это уйму времени. Директор МТС тов. Шатанов, например, из пятидесяти рабочих дней прозаседал около полумесяца, главный бухгалтер — семнадцать, а главный агроном — восемнадцать дней.

А как бы хорошо было иметь человека специально для заседаний! Сидел бы он безвыездно в Усть-Каменогорске, за пятьсот километров от нас, дремал бы на совещаниях, выслушивал речи, получал указания, словом, делал бы всё то, чем сейчас вынуждены мы все заниматься. А мы работали бы по своей прямой специальности!

Правда, можно обойтись и без этой штатной единицы. Конечно, в том случае, если штатные единицы, восседающие в областном управлении сельского хозяйства, поумерят свой заседательский пыл.

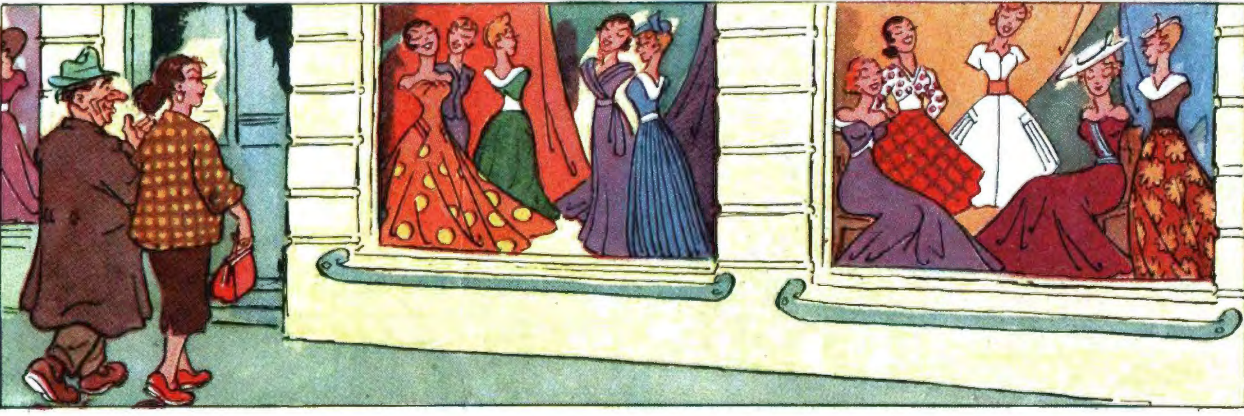
П. КЛИШИН,

секретарь парторганизации Пограничной МТС.

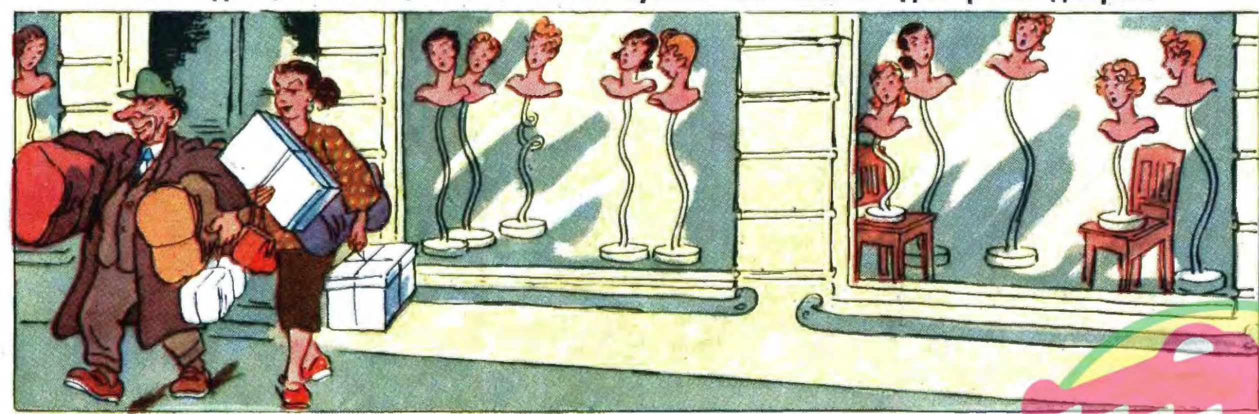
Зайсанский район,
Восточно-Казахстанской области.

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

При производстве художественных кинофильмов неоправданно расходуются огромные средства на костюмы.

— Вот здесь, кажется, мы сможем купить все платья для роли доярки.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05726. Изд. № 443. Подписано к печати 10/V 1956 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Заказ № 1334. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

В Бонне подготавливается закон, разрешающий носить гитлеровские военные награды.

Две стороны медали...